

СВЕТЛАНА
КАЗАКОВА

СВОЕНРАВНАЯ ДОБЫЧА

ИДДК

Светлана Казакова

Своенравная добыча

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51683382

Аннотация

Княжество моего отца в опасности, и нам пришлось попросить о защите правителя соседней страны. В уплату ему предлагали земли и рабов, золото и самоцветы. Но он пожелал меня...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	56
Глава 12	61
Глава 13	66
Глава 14	71
Глава 15	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Светлана Казакова

Своенравная добыча

Пролог

В подземелье замка было темно, и факелы, укреплённые на стенах, лишь слегка рассеивали полумрак. Стены источали холод, однако сыростью не пахло. Шаги гулко отдавались в каменном коридоре. Когда в ответ на появление Эрланда раздалось приветствие, древние стены откликнулись эхом, на разные лады повторяя слова колдуна. Некоторые из этих призрачных голосов шипели, как змеи, другие звучали звонко, точно капель по весне.

– Добро пожаловать, мой повелитель!

Колдун уже ждал. Склонился в поклоне, выпрямился и указал на большой медный котёл, доверху наполненный водой. На скуластом лице колдуна промелькнула гордость за то, что лишь он мог предложить.

– Подойдите ближе!

Эрланд приблизился и заглянул в котёл. Поначалу ничего не происходило, но затем по воде пошла рябь. Колдун зашептал слова заклинания.

– Я покажу вам её.

В воде на миг показалось отражение самого Эрланда, ко-

торое сменилось другой картиной. Перед ним появилась девушка. Она умывалась, брызгая на себя водой. Поблескивающие в свете утреннего солнца капли стекали по её лицу, шее, небольшой упругой груди под тонкой сорочкой. Незнакомка обладала нездешней, но притягательной красотой. Экзотический разрез глаз, смуглая кожа, гладкие тёмные волосы. Девушка была хрупкой и нежной, как дивный цветок.

Эрланд подумал, что скоро он вдохнёт её аромат, и почувствовал возбуждение. Если один только взгляд на ту, что сейчас далеко, вызывает такие ощущения, что же будет, когда она окажется рядом? Он знал, что испытывает сейчас.

Предвкушение.

– Она может почувствовать, что мы за ней наблюдаем?

– Не думаю, – покачал головой колдун. Он тоже наклонился над котлом, и складки его плаща задели плечо Эрланда. – Простите, повелитель. Я не могу поддерживать связь долго. Но теперь вы знаете, кто она и как выглядит.

Эрланд кивнул, продолжая смотреть на девушку. Скоро они встретятся. Он и та, что станет его добычей.

Теперь она расчёсывала волосы. Её губы шевелились – похоже, девушка что-то напевала. Жаль, что зачарованная вода не передаёт звуки.

– Вы знаете, что нужно делать, – проговорил колдун, о присутствии которого правитель почти забыл.

– Знаю. Не нужно мне беспрестанно об этом напоминать, – отозвался Эрланд. Он не повысил голос, но собесед-

ник тут же попятился и склонил голову, признавая собственную неправоту.

...А в это время в столице княжества Ив-Лин, в краю, где цветут самые душистые ночные цветы, младшая дочь князя Аньяри, проводя по волосам серебряным гребнем, вздрогнула, ощутив вдруг пробежавший по коже холодок, похожий на дуновение ветра. Ей показалось, будто за ней следит чей-то пристальный взгляд. Но в комнате никого больше не было.

Глава 1

– Яри! Где ты? – звонкий голос моей единокровной сестры послышался из коридора. Спустя несколько мгновений она заглянула в комнату. – Что ты так долго приводишь себя в порядок? Я тебя повсюду ищу, а ты всё ещё тут копаешься!

– В чём дело?

Я отложила гребень и обернулась. В утреннем свете, проникающем сквозь зарешеченные окна, Ильма выглядела особенно красивой. Её румяное лицо обрамляли локоны оттенка цветочного мёда, а талия, туго затянутая корсетом, казалась такой тонкой, что удивительно, как она вообще дышала.

Мы с сестрой очень разные. Она белокожая, светловолосая, похожа на фей, о которых рассказывается в сказках. Её женственная фигура с пышной грудью и широкими бёдрами, как и полагается, напоминает песочные часы. А я смуглая, у меня прямые волосы, а что до фигуры, то у сестры уже в пятнадцать лет грудь была больше, чем у меня в мои девятнадцать с половиной. Всё потому, что у нас с Ильмой разные матери.

Однако, несмотря на такое несходство, мы с сестрой всегда были очень дружны и всем делились. Тревогами и радостями, каждым секретом. Вот и сейчас она пришла ко мне, чтобы о чём-то рассказать.

– Ах, Яри, ты ещё не слышала?! Отец получил ответ от

правителя Лундсфальда. Тот обещал нам помочь!

У меня точно камень упал с души. Наш отец – князь Ив-Лин – очень боялся той опасности, что нависала над всеми нами, точно валун на обрыве. Маленькие княжества всегда лакомый кусочек для захватчиков, а у нас к тому же добывали редкие самоцветы. Чтобы избежать большего из зол, отец сам решил попросить о помощи правителя крупной соседней страны, чья сила и могущество вызывали страх в сердцах врагов. И пообещал, что за покровительство Лундсфальд может потребовать любую плату.

– А скоро он лично приедет к нам! – воскликнула Ильма.

– Кто?

– Сам правитель Лундсфальда! Представляешь? Мы будем принимать у себя такого великого человека!

Я поёжилась. Почему-то стало не по себе. Имя Эрланда Завоевателя, правящего Лундсфальдом, было овеяно тайнами и легендами. Никто не знал, что из этого правда, а что лишь выдумки певцов и сказителей. Одно ясно – это непростой человек.

– Он уже известил, чего хочет в уплату? – спросила я.

– Нет! – покачала головой Ильма. – Но отец непременно предложит ему самое лучшее, что у нас есть. Когда речь идёт о безопасности княжества, он не посягнет.

– Верно, – согласилась я.

Казалось бы, всё наладилось, но отчего на душе стало так тревожно?..

– Поторопись! – напомнила мне Ильма. – Отец не любит, когда опаздывают на завтрак. Это нарушает наши традиции, – передразнила она.

Сестра была права – отец любил, когда за завтраком вся семья собиралась вместе.

– Уже бегу, – кивнула я, натягивая платье.

Мне приходилось одеваться самостоятельно – это было частью моего наказания. Даже корсет я начала носить такой, с которым могла справиться без посторонней помощи. Впрочем, с моей худобой я не слишком-то нуждалась в корсете, так что это была скорее сила привычки.

В столовую мы с Ильмой явились по отдельности – отец приказал ей держаться подальше от меня, так что мы разговаривали тайком. Я надеялась, что однажды он сменит гнев на милость, но пока родитель не на шутку на меня гневался. Он едва глянул в мою сторону, когда я заняла своё место за большим столом.

За завтраком Регвин Альбиар, князь Ив-Лин и мой отец, объявил о том, что я уже успела узнать от Ильмы.

– Это огромная честь для нас, – произнёс он в завершение своей речи. – Поэтому я надеюсь, что вы не посрамите меня и княжество. Слышишь, Аньяри?

Я потупилась и кивнула. Отец назвал меня полным именем, хотя обычно все звали меня просто Яри. Моё имя, как и внешность, отличалось от прочих имён, что звучали под небом княжества. Его мне дала моя мать – чужеземка, кото-

рая приглянулась отцу во время одного из его путешествий. Он привёз её сюда и сделал своей второй женой. Она смирилась и дала мне жизнь, но каждый день скучала по родине. Лекари говорили, что её убила болезнь, мне же казалось, что всему виной тоска по далёкой стране, из которой она была родом.

Я никогда там не бывала. Ни разу за всю свою жизнь не покидала пределы княжества Ив-Лин. Как, впрочем, и моя сестра Ильма.

Тут редко что-то менялось. Одни и те же традиции и церемонии, почти всегда одна и та же погода. Под окном спальни, которая прежде была общей для нас с Ильмой, благоухали ночные цветы, самый прекрасный из которых – Ив-Лин – и дал название княжеству. Рабы возделывали землю, трудились на добыче самоцветов и выполняли другую работу, в том числе и в нашем дворце. Вольнорожденные жители занимались кто чем – шили одежду и обувь, торговали, проживали день за днём.

Скорый приезд правителя Лундсфальда обещал принести в княжество дуновение свежего ветра, нездешнего и холодного, как те края, из которых он к нам направлялся.

Глава 2

Дворец охватила суэта. Шутка ли – приезд такого важного гостя! Тут, наверное, не только дворец, но и всё княжество на ушах стояло.

Я не могла понять, что со мной происходит. Нужно ведь радоваться тому, как всё в итоге сложилось. Теперь мы будем под защитой такого сильного союзника, с каким все прочие возможные враги и связываться не захотят. Это ли не счастье? Но почему, узнав о скором приезде к нам правителя Лундсфальда, я сильнее ощущала нечто странное? Дурное предчувствие. Мурашки по коже и всё нарастающий страх, причём я сама не понимала, чего или кого боялась.

Никто моего состояния не разделял. Все волновались, конечно, но это было скорее приятное волнение. Отец не скрывал своей радости. Он был счастлив, что княжество Ив-Лин не будет завоёвано и попрано ногами захватчиков, которые наверняка не оставили бы князя в живых. Ильма тоже радовалась и то и дело принималась гадать, каков из себя этот Эрланд.

А мне даже ночь, тёплая, наполненная ароматами цветов, не принесла облегчения. Я проснулась, дрожа всем телом. Принялась озиаться вокруг и даже зажгла свечу. Что меня разбудило?..

Казалось, будто я снова, как и утром за умыванием, чув-

ствую чужой взгляд. Внимательный, настойчивый, бесстыдный. Кто-то, оставаясь незримым в рассеивающем темноту свете тонкой свечи, с жадным интересом разглядывал меня, а я сидела на краю постели в одной тонкой сорочке, обнимая себя за плечи и не понимая, что со мной творится.

Меня с детства учили, что для женщины нет ничего плохого в том, чтобы быть робкой, пугливой и слабой. Что для того, чтобы отвечать за неё и защищать её, существуют мужчины. Отцы, братья, мужья. В моём случае ещё и рабы. Двое из них стояли в коридоре, чутко сторожа мой сон. Я могла бы позвать их, но что я им скажу? Что за мной наблюдает невидимка?

А затем они доложат отцу, что его дочь выжила из ума, и это позволит ему с чистой совестью избавиться от меня. Запереть где-нибудь в горном монастыре, где девушки закрывают лица, живут на хлебе и воде, а ещё денно и нощно молятся за благополучие княжества. Больше ничего им не позволено, даже смеяться и то запрещается.

Вот уж нет, не дождутся!

Я стиснула зубы, встала с кровати и шире распахнула окно, впуская в комнату напоенный благоуханием воздух. Цветы пахли так сладко, так дурманяще, что даже у меня, с самого рождения привыкшей к этим ароматам, кружилась голова. Могли ли за мной следить через окно? Нет, едва ли. Ведь сад тоже охраняется со всех сторон, и никто чужой туда не проник бы. Даже нашим рабам дозволено заходить в сад

лишь днём, чтобы позаботиться о растениях. Так, выходит, мне всё это мерещится?..

Вдруг показалось, что кто-то позвал меня по имени.

– Аньяри...

Я не могла понять, откуда доносится зов. Голос был тихим, шепчущим, но однозначно мужским. Я никогда не слышала, чтобы мужчина обращался ко мне так – вкладывая в звучание моего имени что-то, чему я не могла подобрать названия. Но от этого все волоски на коже встали дыбом, соски затвердели, точно от холода, а внизу живота томительно потянуло. Да что со мной такое?!

Я рывком захлопнула окно, вернулась в постель и укуталась в одеяло. Свечу так и не погасила. Она горела до самого утра, даже когда меня всё-таки сморил сон.

Когда рассвело, мой ночной страх немного притупился. Меня окружали люди, я старалась ни на минутку не оставаться в одиночестве, чтобы больше не чувствовать того, что так меня напугало. Я ведь не обезумела! Я действительно слышала голос, чувствовала на себе чужой тяжёлый взгляд, и моё тело реагировало на них так странно, как никогда и ни на что прежде. Но я понятия не имела, что всё это могло означать.

Может, мне довериться Ильме? Сестра не станет надо мной смеяться и к отцу с докладом не побежит. Я ведь тоже храню её тайны. Однако что мне ей сказать? Всё, что у меня есть, это лишь смутные ощущения. Да и не до того ей сей-

час. Ильма занималась тем, что заказывала себе и мне заодно новые платья, в которых нам предстояло встречать Эрланда Завоевателя.

Мы не знали точную дату его приезда, но тот неотвратимо приближался.

Время бежало быстро. Я попросила одну из рабынь ночевать со мной, чужое мерное дыхание в комнате успокаивало, и случившееся той ночью больше не повторялось. Так минули дни и ночи.

А затем наступил день, когда в ворота столицы княжества Ив-Лин въехал правитель Лундсфальда. Я не сомневалась, что все жители города прилипли к окнам и высыпали на балконы, чтобы получше рассмотреть статную мужскую фигуру на большом чёрном коне. Вместе с правителем приехали его слуги – рабства в Лундсфальде не было.

Эрланд спешился и вошёл во дворец, где его уже встречали. Отец вышел к нему в сопровождении супруги, матери Ильмы, и своих приближённых. Были в их числе и мы с сестрой, облачённые в новые платья. Моё было красным, как кровь, как алые самоцветы, самые дорогие из всех, что добывали в княжестве. Его подол стелился по полу, неприлично пышные рукава сковывали движения, и поклонилась я неловко. А затем подняла глаза на высокого незнакомца, который тоже как раз посмотрел в мою сторону, и мне вдруг стало нечем дышать. Я узнала этот взгляд, хотя никогда не видела его воочию, только чувствовала.

Столкнувшись с ним наяву, я не выдержала и соскользнула в беспамятство. Тьма обволокла меня, уводя за собой. Но даже тогда мне казалось, что я вижу его взгляд и слышу зовущий меня голос.

Глава 3

Когда очнулась, показалось, будто всё случившееся за последние дни было всего лишь сновидением. Договор отца с правителем Лундсфальда. Странные преследующие меня ощущения. И взгляд, который словно проникал в самую душу. Вот бы это действительно оказалось просто сном!

Но на мне было то самое платье. Алое, праздничное. Туго затянутый корсет больно сдавливал рёбра, и я, приподнявшись, поморщилась.

Кто-то принёс меня в мою комнату и оставил здесь одну. Нужно вернуться к остальным. Извиниться перед отцом.

Прежде я никогда не падала в обмороки и этот собиралась свалить на корсет.

Я уже собиралась выйти, когда вдруг скрипнула дверь, и появилась Ильма. Сестра выглядела очень взволнованной. Бросившись ко мне, она порывисто схватила меня за руки.

– Ах, Яри, как жаль, что ты всё пропустила! Это... это было великолепно! Я только взглянула и, кажется, навсегда потеряла покой, а ещё...

– Постой, – нахмурилась я. – Ты обо мне совсем не беспокоишься? Твоя сестра валялась тут без сознания, а ты приходишь и, даже не спросив, как я себя чувствую, восторгалась...

А кстати, чем это она так восторгалась?

– Я же вижу, что ты в полном порядке! – отмахнулась Ильма. – Самый обычный обморок юной девицы! Переволновалась немного и ничего не ела с самого утра, только и всего!

Сестра принялась расхаживать по комнате, шелестя юбками.

– Правитель Эрланд привёз нам подарки! Какой же он! Я просто слов не нахожу! Вот бы отец выдал меня за него замуж! О большем и мечтать не нужно!

Я нахмурилась. Похоже, Эрланд Завоеватель полностью оправдывал своё прозвание. Ему понадобилось совсем мало времени, чтобы сердечко Ильмы оказалось в его плену.

– Он совершенен... Самый красивый мужчина из всех, каких я видела... И такой сильный... Говорят, он гнёт железо голыми руками! Представляешь, Яри?

– Даже представлять не хочу!

– Скучная ты! – фыркнула сестра, усаживаясь на мою кровать. – Ты просто не понимаешь... А он...

– Где он сейчас?

– Отец показывает ему наши лучшие земли. Они вернутся к вечеру. Будет пир!

– Зачем показывает?

– Чтобы предложить их ему, конечно! Земли, золото, самоцветы! И ещё рабов, хотя, если в Лундсфальде рабства нет, правитель может сделать их вольными...

Я напряжённо думала, почти не слушая щебетание собеседницы. Как это всё объяснить? Почему взгляд Эрланда по-

казался мне тем самым, что я ощущала на себе, когда находилась в полном одиночестве? Это исключено! Правитель Лундсфальда ведь был далеко, когда со мной происходили эти странности. И он не колдун. Иначе слухи об этом уже давно дошли бы до княжества.

– Ты пойдёшь на пир в этом же платье? – спросила Ильма.

– А разве мне сшили ещё что-то новое?

– До чего же ты рассеянная! Конечно! Но это красное лучше! Однако ты не должна выглядеть лучше меня! – ревниво добавила сестра. – Правитель Эрланд должен смотреть только в мою сторону – а вдруг и вправду посватается ко мне!

– Ты всего однажды его видела и совсем не знаешь, а уже хочешь на него замуж? – спросила я непонимающе.

– А что тут такого? Это достойная партия для старшей дочери князя. Лучшая из возможных.

– И тебя не смущает, что ты...

– Молчи! – обожгла меня взглядом светлых глаз Ильма. – Только попробуй рассказать отцу правду! Нужно было сразу говорить, раз тебе на меня наплевать, а не сейчас!

– Мне вовсе не наплевать. Я просто за тебя беспокоюсь... Вот и всё.

– Я способна о себе позаботиться, – фыркнула рассерженная Ильма. – Не волнуйся. Придумаю что-нибудь, когда дойдёт до дела.

Как у неё всё легко! Я бы на её месте не была такой спокойной и беспечной. Но спорить с ней я не стала, чтобы не

поссориться.

Время до вечера пролетело быстро. На пир прибыли самые влиятельные люди в княжестве Ив-Лин. Каждому из них хотелось выразить свою благодарность правителю Лундсфальда.

За большим столом я сидела далеко от Эрланда, в окружении незамужних дочерей вельмож. А Ильма, пользуясь тем, что она была любимицей нашего отца, выпросила место прямо напротив нашего гостя. Чтобы он мог оценить её во всей красе, особенно вырез на платье, открывающий полную грудь.

Я же даже смотреть в его сторону боялась. Сидела потупившись, точно не на празднике. Мне кусок не лез в горло в то время, как все остальные произносили благодарственные речи и вовсю славили Эрланда Завоевателя.

– Вы уже решили, что хотели бы получить от нашего княжества взамен на вашу помощь и защиту? – спросил его кто-то, и моих ушей достиг голос правителя, от которого по коже пробежала уже знакомая дрожь.

– Да, я принял решение, но скажу его позже и лично князю.

Интересно, чего он захочет? Не думаю, что рабов. Наверняка самоцветы, которые ценятся дороже всего. Разноцветные, блестящие, очень дорогие. Они – то, чем издавна гордится Ив-Лин.

Впрочем, не моё дело. Отец разберётся сам. Я всего лишь

младшая дочь. Не наследница. Эта роль уготована для будущего сына третьей жены отца, которой не было за столом – со дня на день ожидалось появление на свет её первенца.

Я так и не подняла глаз до самого окончания долгого пиршества. Когда разрешили встать из-за стола, постаралась держаться поближе к дверям и, воспользовавшись тем, что отец на меня не смотрел, выскользнула в коридор. Сердце стучало так быстро, словно за мной гнались.

Глава 4

Князь Регвин Альбиар был доволен. Всё шло как по маслу. Правитель Лундсфальда согласился взять княжество под свою защиту и даже лично приехал к ним. Пусть теперь все возможные противники знают, кто на стороне Ив-Лин! Сейчас, когда со дня на день появится на свет наследник, долгожданный сын после двух дочерей, это особенно радовало.

Лишь одно смущало князя – Эрланд Завоеватель до сих пор не дал понять, что он желает получить в уплату. Правитель рассматривал земли, перебирал драгоценные самоцветы и даже на рабов согласился взглянуть, вот только никак не выказал свой интерес хоть к чему-нибудь из этого. Впрочем, на пиру он сказал, что принял решение и поговорит с князем позже.

Регвин заметил, как покинула зал Аньяри. Что за девчонка! В последнее время она стала совсем несносной. Первая супруга вовсе пилила князя, чтобы он избавился от Яри, например, поскорее выдал её замуж, но где это видано, чтобы младшая сестра выходила замуж раньше старшей? Сначала нужно подыскать выгодную партию для Ильмы и лишь затем подумать, что делать со второй его дочерью.

Пока всё равно не до этого. Сначала нужно уладить все вопросы с Эрландом. Остальные заботы подождут.

Пир удался на славу. Расстарались и повара, и виноделы

– всё для дорогого гостя. Под конец, когда все женщины вышли и в зале остались одни мужчины, молодые рабыни исполнили полный соблазна танец, от которого даже у престарелых княжеских вельмож маслено заблестели глаза. Альбиар всё поглядывал на правителя Лундсфальда – не заинтересуется ли? Князь готов был отдать ему лучших рабынь, которые бы денно и ночью улаждали его взор и тело, но во взгляде синих глаз Эрланда Завоевателя отражался лишь вежливый интерес к иноземным традициям, не более.

Что же ему тогда нужно?

Ответ на этот вопрос Регвин Альбиар получил позже – когда за окнами уже стемнело, а гости покинули дворец. Они с Эрландом остались наедине. Им подали вина и лёгкие закуски – после пира, впрочем, ничего и не хотелось, но то была дань уважения.

– Я готов выслушать вас, – прижав руку к сердцу в известном благодарственном жесте, произнёс князь.

– Вы уверены, что готовы отдать мне всё, что я попрошу? – ответил правитель Лундсфальда.

– О, разумеется!

– Тогда обойдёмся без лишних слов.

– Слушаю! – подался к нему Регвин.

– Я хочу вашу дочь.

Князь изумлённо заморгал. Сначала ему даже показалось, что он ослышался. Всё же годы уже не те, слух мог и ослабнуть.

– Простите, что?

– Вашу дочь, – повторил Эрланд. Слова падали точно камнями. У князя голова пошла кругом, но он тут же задумался о возможной выгоде такого брачного союза, который лишь укрепит договор между Ив-Лин и Лундсфальдом.

– Ильму? Вы женитесь на ней? Поверьте, на приданое я не поскоплюсь!

– Я имею в виду другую дочь.

– Аньяри? – неприятно удивился князь. – Но... – Он подбирал слова, чтобы не обидеть собеседника. – Видите ли, по нашим традициям, младшая сестра не должна выходить замуж вперёд старшей. Да и сомневаюсь, что она станет вам достойной женой. Вот Ильма...

– Разве я говорил о женитьбе? – перебили его.

Альбиар приоткрыл рот. Он ведь не всерьёз, правда? Неужели...

– Вы хотите взять её в наложницы? Дочь князя? – заикаясь, спросил он. – Но...

– А разве её мать не была вашей наложницей?

– Она была второй женой! – оскорбился князь. – Наши законы разрешают многожёнство. Вернее, разрешали в прежние времена, но я...

– Вы решили, что являетесь исключением, – холодно усмехнулся высокий гость.

– Прошу вас, подумайте ещё! На что вам Аньяри? Я могу дать вам столько рабынь, что сможете каждую ночь месяца

вызывать к себе новую! А ещё самоцветы! Вам же понравились наши самоцветы!

– Я всё сказал. Я хочу вашу младшую дочь, – твёрдо повторил Эрланд. – Больше мне ничего от вас не нужно. Если вы не готовы отдать её мне, наш договор отменяется. Подумайте хорошенько.

Регвин Альбиар сглотнул, глядя на собеседника, как кролик на удава. Похоже, тот не шутит. Ему действительно приглянулась Яри. И когда только успела? Они ведь почти не виделись – при первой встрече она потеряла сознание, а на пиру сидела далеко и почти сразу убежала к себе.

Аньяри его дочь, кровь от крови и плоть от плоти. Он помнил её совсем маленькой – забавной смуглой малышкой, так не похожей на старшую сестрёнку. Помнил её слёзы, когда она потеряла мать. Помнил, как обещал, что будет заботиться о ней. Даже сейчас, когда она так его разочаровала и была наказана, он желал видеть её за столом каждое утро.

Но как же быть с Ив-Лин? Княжество будет завоёвано, если не приобретёт сильного союзника! Прежде им как-то удавалось уклоняться от опасности, где хитростью, где откупам, но сейчас власть в нескольких соседних государствах сменилась, и едва ли у них получится и дальше держаться в стороне от междоусобных войн. Регвин Альбиар стареет, а его наследник ещё не родился. Они все могут погибнуть, если правитель Лундсфальда откажется им помогать.

Альбиар тяжело вздохнул, глядя на оплывающую свечу.

Он чувствовал себя такой же свечой – уставшей, неотвратимо гаснущей. Но его сын станет новым огнём и будет гореть ярко, освещая всё княжество. Однако Яри тоже ему не чужая. Он дал ей жизнь, вырастил и воспитал – для того, чтобы она стала женой и матерью, а не согревала чью-то постель, как бесправная рабыня. В нём боролись князь и отец. Князь победил.

– Я согласен. Но сначала... Вы должны кое-что о ней узнать, – вымолвил Регвин, отчаянно надеясь, что Эрланд Завоеватель не передумает, когда услышит то, что князь собирался ему сказать.

Глава 5

Эрланд Завоеватель не ожидал особого сопротивления, однако то, как быстро сдался князь, почти даже не пытаясь вступить за дочь, вызывало одно лишь презрение. Люди так вероломны. Они с лёгкостью предают, находя себе множество оправданий. Вот и сейчас Регвин Альбиар решил, что княжество и будущий сын важнее, чем судьба девушки. Он жертвовал ею и, похоже, вовсе не считал, что совершает низкий поступок.

– Видите ли, Яри... – пробормотал князь Ив-Лин, склоняя голову. – Мы не уследили за ней. Она больше не невинная девица.

Эрланд нахмурился. Неужели Аньяри уже отдала кому-то свою девственность? Невозможно. Колдун бы предупредил! И всё же...

– Вы проверяли? – спросил он.

– Нет, но... – растерялся князь.

– Так проверьте! Прикажите лекарке, старшим женщинам. Или я сделаю это сам.

– Не нужно! – выпалил Альбиар. – Я тотчас же распоряжусь о проверке! Даже не беспокойтесь!

– Я хочу, чтобы о результатах доложили мне лично. Не вам и не кому-либо ещё. Ясно?

– Но я её отец и имею право!

– Теперь Аньяри больше не ваша, – обронил правитель Лундсфальда, разворачиваясь спиной к собеседнику. Вопрос решён, им больше нечего обсуждать. – Она стала моей.

Ответ на поставленный вопрос Эрланд получил в тот же вечер. В его покои робко постучалась пожилая женщина, оказавшаяся повитухой, которая присматривала за младшей женой князя. В своём деле она разбиралась и уж точно могла отличить девственницу от той, чтобы уже была с мужчиной.

– Я сделала то, что мне велел князь, – прошамкала она. – Подсыпала его дочери немного сонного порошка, чтоб не брыкалась. Я всегда даю его женщинам, дабы они смогли быстро заснуть без боли после родов.

– Так она до сих пор спит?

– Вскорости проснётся.

– И что вы узнали? – поторопил её Эрланд.

– Напраслину на неё возводили, вот что! Девица она, никем ещё не тронутая. Уж можете мне поверить!

Правитель Лундсфальда вознаградил повитуху и отпустил её восвояси. Сидеть в четырёх стенах не хотелось, спать тоже, и он отправился бродить по коридорам дворца. Уже наступила ночь, и сейчас здесь было тихо – не то что на пиру. Дни в княжестве Ив-Лин куда длиннее, чем в северной стороне, где находился Лундсфальд. Темнело позже, а ещё здесь распускались знаменитые ночные цветы, аромат которых проникал сквозь открытые окна.

Возвращаясь к себе, в безлюдном коридоре Эрланд встре-

тил Аньяри. Она едва не наткнулась на него и, ойкнув, отпрыгнула в сторону. Девушка была в длинной накидке поверх ночной сорочки, волосы свободно падали на плечи.

– Откуда ты? – остановил он её, перегородив дорогу.

– Иду из купальни, – отозвалась она, низко опустив голову, чтобы не встречаться с ним взглядом. Того и гляди убежит и спрячется. Точь-в-точь как мышка, завидевшая кота.

– Из купальни?

– Да. У нас принято соблюдать чистоту, – добавила она почти с гордостью. – Пожалуйста, позвольте мне пройти...

– Да, ты чиста, – вспомнив слова повитухи, произнёс Эрланд и, не выполнив просьбу Аньяри, прикоснулся к её волосам, намотал на палец гладкую тёмную прядь.

Что в ней такого, что один взгляд, одно прикосновение возбуждают в нём желание? Почему её хрупкая, едва расцветшая женственность обещает больше удовольствия, чем крепкое зрелое тело её сестры? Ведь те женщины, что бывали в постели правителя Лундсфальда прежде, скорее походили на Ильму, чем на Аньяри.

Он толкнул девушку к стене, зажал между ней и своим телом. Наклонился, чтобы накрыть ртом мягкие губы, сладкие, как аромат ночных цветов Ив-Лин, смял их в жёстком, жадном поцелуе. Сбросив мешающую накидку, провёл руками по плечам Аньяри. Её кожа была нежной, шёлковой. Запах ещё влажных волос кружил голову, опьянял сильнее самого хмельного вина. Эрланд обхватил тёплую округлость груди,

наслаждаясь её упругостью. С губ девушки сорвался протестующий стон, она попыталась оттолкнуть мужчину, упираясь ладонями ему в грудь, но ей не удалось даже сдвинуть его с места.

Он сам отпустил её. Разжал руки, хотя ему нестерпимо хотелось продолжить. Пойти до конца, сделать с ней всё то, чего желал, не выпускать из рук до самого утра. Но сдержался. Ещё не время.

– Ступай...

Эрланд вернулся к себе. В отведённой ему спальне было темно. Но вот чего он точно не ожидал, так это того, что окажется там не один. Однако правитель Лундсфальда не ощущал опасности. Навстречу ему шагнула женщина, лицо которой он не мог разглядеть в темноте.

– Кто ты?

– Я рабыня, мой господин, – прошелестел её голос. – Князь прислал меня, чтобы развлечь вас этой ночью. Пожалуйста, не прогоняйте, иначе он будет очень сердит на меня за то, что не справилась!

Зашуршала ткань, обнажённые руки незнакомки обвили его шею. К нему прильнула мягкая грудь, не скованная жёсткими корсетами, которые здесь принято было носить. Похоже, женщина сбросила с себя почти всю одежду.

– Прошу вас, позвольте мне остаться... – горячо зашептала она.

Эрланд всё ещё был возбуждён после встречи с дочерью

князя в коридоре. Его ладони помнили нежность кожи девушки, на языке ощущался вкус её губ. Одного поцелуя оказалось недостаточно. Хотелось ещё, хотелось большего. Неутолённое желание выло в нём голодным зверем, требуя своего.

А запах... Проклятье! Эта рабыня пахла почти так же, как Аньяри. Сладко, дурманно. Как здешние ночные цветы. Почему их аромат так кружит голову? Можно опьянеть, лишь вдыхая его, и никакого вина не нужно.

Глава 6

В непроглядной ночной темноте все ощущения обострились. А женщина, которая пришла к правителю Лундсфальда под покровом тьмы, явно хорошо знала, чем и как завлечь мужчину. Она тесно прижималась к нему полуобнажённым телом, тяжело дышала, выдавая собственное непридуманное возбуждение. Шаловливая ручка подползла к его паху. Незнакомка снова зашептала:

– Только не гоните меня прочь, мой господин... Вам понравится... Я обещаю...

Сопrotивляться этому тягучему, как смола, соблазну, сладчайшему запаху и теплу женского тела становилось всё тяжелее. Провёл по оголённым покатым плечам знакомки, скользнул ладонями ниже, нетерпеливо потянул вверх подол, под которым ничего не было – только она сама, горячая, влажная. Эрланд невольно сравнил недавние ощущения, и его запал приутих. Не та, которую он желал... Не Аньяри... Это её тонкий стан и маленькую грудь он хотел сжимать в ладонях, её вкус чувствовать на губах, её стоны слышать, раз за разом побуждая девушку к тому, чего она ещё никогда прежде не испытывала. Другая, пусть даже такая страстная, распалённая и готовая на всё, могла стать лишь неравноценной заменой.

Он перехватил запястья рабыни, которая уже начала его

раздевать.

– Князь сказал, зачем он прислал тебя ко мне? Я его об этом не просил. Отвечай!

– Просто чтобы развлечь вас, господин мой... Таковы законы гостеприимства. Почему вы спрашиваете?

– Мне это не нужно. Уходи!

– Но, господин!

– Здесь все рабыни такие дерзкие? Уходи! – оттолкнув её, повторил Эрланд. – Можешь солгать, что я остался тобой доволен, чтобы тебя не наказали.

Он ожидал, что женщина послушается. Она действительно направилась к двери, но вместо того, чтобы открыть её и выйти, вдруг громко, истошно закричала – так, что её явно услышали во всём крыле дворца. А затем, не прекращая вопить, вновь пробежала вглубь спальни.

– Отпустите меня! На помощь! Спасите хоть кто-нибудь! Отец! Яри!

В коридоре загремели шаги, дверь распахнулась, едва не слетев с петель. В комнату ворвались люди. У некоторых из них при себе оказались подсвечники с горящими свечами, рассеивающие густой мрак. Среди вбежавших в гостевые покои оказалась и Аньяри. А посреди комнаты, обхватив плечи руками, стояла полуголая старшая княжеская дочь – фигуристая блондинка Ильма, которая так жадно смотрела днём на подарки правителя Лундсфальда, впрочем, как и на него самого. Всклипывая, она бросилась к младшей сестре. Обер-

нулась, показывая пальцем на Эрланда.

– Он напал на меня, Яри! Затащил к себе в комнату, раздел! Он хотел, хотел меня...

– Тише, тише... Пойдём со мной... – успокаивала её Аньяри. Выходя из комнаты, напоследок бросила на него такой яростный взгляд, точно хотела прожечь насквозь – столько возмущения, боли и ненависти отразилось в её глазах.

Но то было лишь начало. Немедленно позвали князя Ив-Лин. Тот пожелал сперва поговорить с дочерью, а уже затем – наедине – с гостем.

Вид у Альбиара был уже не такой, как недавно. Всклощенные волосы торчали в разные стороны, руки дрожали, как у запойного пьяницы, и стало яснее ясного, что глава княжества уже немолод. Казалось, он раздавлен случившимся, однако всё равно пытался бравировать тем, что приходится отцом двух незамужних девицам.

– Кажется, вас интересовала Яри, а не моя старшая дочь, – произнёс он.

– Ваша старшая дочь – шлюха, – обрубил Эрланд. – Видели бы вы, что она вытворяла, со стыда бы сгорели. Сама явилась в мою спальню и предложила мне себя, назвавшись присланной вами рабыней.

– А как вы можете это доказать?! – вскричал князь. – Ильма утверждает, что вы хотели надругаться над ней и силком затащили её к себе, когда она всего лишь проходила мимо!

Ни у вас, ни у неё нет свидетелей того, как всё было на самом деле! Те, кто явился на её крик, говорят, что она тряслась от страха! Аньяри там тоже была!

– Велите повитухе проверить и старшую дочь тоже. Уверен, она окажется порченным товаром. Или вам это известно, потому и спешите поскорее сбыть её с рук?

– Да как вы!.. – Регвин Альбиар вскочил, но затем, видимо, вспомнил, с кем разговаривает, и поник головой. – Какой же позор, позор... Моя жена не переживёт, если все узнают... Кто захочет взять в жёны Ильму, когда слухи о том, что между вами произошло, выйдут за пределы дворца? А это случится, непременно случится... Люди не умеют держать рот на замке.

Князь вдруг бросился к правителю Лундсфальда и рухнул перед ним на колени.

– Умоляю вас, женитесь на Ильме! Я дам любое приданое, столько, сколько пожелаете! Дам золото, дам самоцветы... А что до Аньяри, так она будет более покладистой, если сестра тоже поедет с вами. Мои девочки очень привязаны друг к другу, они не смогут жить в разлуке!

Эрланд поморщился. Направляясь сюда, он не думал, что так получится. Собирался лишь озвучить свои условия и уехать с девушкой. Теперь же её старшая сестра устроила переполох на весь княжеский дворец, а отец валялся у него в ногах. Раньше надо было караулить дочку, чтобы сейчас не пришлось слёзно молить о том, чтобы прикрыть свой и её

позор.

Кстати говоря, как так вышло, что князь Ив-Лин всерьёз считал, будто не Ильма, а её младшая единокровная сестра потеряла невинность до свадьбы?.. Что-то тут нечисто. Надо бы выяснить.

Глава 7

Ильма горько плакала. Я ходила вокруг неё кругами, не зная, как и чем утешить. Кто бы мог подумать, что правитель Лундсфальда набросится на мою сестру, как дикий зверь?

Впрочем, он ведь и на меня тоже...

Я помнила жар его губ, горячие сильные руки, почти до боли стискивающие моё тело. Всё случилось так внезапно, что я даже пискнуть не успела. Не успела и убежать – он стоял, перегородив мне дорогу, высокий и крепкий, как скала.

Меня никогда прежде не касался подобным образом ни один мужчина. Не трогал, не целовал. Я втайне представляла, конечно, как это будет в первый раз, но никогда не думала, что так. Как будто ураган, сметающий всё на своём пути, обрушился на меня. Но ведь затем он меня отпустил...

Я горько усмехнулась. Отпустил. Ещё бы. Убедился в том, что моё тело не такое красивое и женственное, как у Ильмы. Вот оно и не вызвало в нём желания.

А затем ему подвернулась моя сестра...

Правду говорят, будто в Лундсфальде живут настоящие варвары!

– Яри... – позвала меня Ильма, и я подала ей воды. Всех рабынь мы из комнаты выгнали – она не хотела никого видеть. Только меня.

– Отец что-нибудь придумает, – попыталась я её успоко-

ить. – Он не оставит это просто так. Вот увидишь!

– А если он и меня тоже накажет, как тебя?

– Как видишь, это не так страшно...

Да, я действительно была наказана, вот только за то, чего не совершала. Отец и его супруга, мать Ильмы, думали, что тот оставшийся неизвестным мужчина несколько месяцев назад тайком навещал меня. И что на постели осталась моя кровь.

На самом же деле тот человек провёл ночь не со мной, а с моей сестрой.

Ильму толкнула на этот шаг вовсе не любовь. Простое любопытство. Ей хотелось узнать, о чём украдкой шепчутся рабыни и что за тайна происходит между женщиной и женщиной, когда на землю опускается ночь.

Почему я взяла на себя её вину? Не только из-за того, что отец, увидев, как я прячу окровавленную простыню, сам сделал ошибочные выводы. Не только из-за слёз сестры, которая умоляла меня не говорить правду. Отец как раз начал подыскивать ей мужа, и этот позор мог лечь на всех нас, не только на Ильму. Ведь младшую дочь всегда судят по старшей. Если старшая оступилась, младшая по умолчанию считается распущенной. Та, что родилась раньше, первой выходит замуж, и ей никак нельзя посрамить семью.

К тому же отец и Ильма были моими единственными родственниками по крови. Я рано лишилась матери, не была знакома ни с кем из её родных, оставшихся далеко за морем,

не знала даже, из какого она рода. Когда моя мать покинула мир живых, у меня остались только отец и сестра, и я была очень привязана к ним.

Вот и сейчас Ильма проливала слёзы, а я чувствовала её боль как свою и всем сердцем ненавидела Эрланда Завоевателя.

* * *

– Поднимитесь, – велел Эрланд. Противно было смотреть на то, как князь Ив-Лин рабски унижается перед ним. Неужели у этого человека совсем нет гордости?

Впрочем, с такой дочерью – неудивительно.

– Вы женитесь на Ильме? – повторил князь.

– Скажите, что вам важнее? – медленно, чтобы дать собеседнику как следует осознать эти слова, спросил Эрланд Завоеватель. – Доброе имя вашей семьи, пусть даже купленное за золото и самоцветы, или безопасность княжества, которую вам может дать союз со мной? Вы уже согласились пожертвовать одной дочерью, так чем лучше другая?

– Вы не понимаете, – с трудом вставая на ноги, выдавил Альбиар. – Ильма – старшая. По нашим традициям...

– Бросьте! – отмахнулся правитель Лундсфальда. – Вы уже доказали, что можете использовать традиции и законы по собственному усмотрению. Вот и многожёнство себе разрешили. Да и с рабынями наверняка не гнушались развле-

каться. Так ведь?

– Кто не грешит по молодости? – пробормотал князь, устало потирая лоб. Казалось, за минувшие после пира часы он постарел лет на десять. – Но ведь разгорелся большой скандал... Аньяри я бы отдал вам по-тихому, солгал бы что-нибудь о её судьбе, к ней и свататься-то пока не начинали, сначала ж сестре надо замуж выйти... А о том, что Ильма побывала в вашей спальне, скоро станет известно всем за пределами дворца...

– Да, в лицемерии вы преуспели.

– Так, выходит, ваш ответ нет? Вы... не дадите согласия на женитьбу? Не хотите подумать ещё немного?..

– Я уже сказал вам, чего хочу за наш договор. Предельно ясно. И это не золото, не земли, не самоцветы. И не ваша старшая дочь, готовая лечь под первого встречного. Кажется, в княжестве Ив-Лин есть женские монастыри? Так вот и отправьте её туда. Пусть вымаливает прощения за грехи.

Регвин Альбиар уронил голову на дрожащие руки. Похоже, такого он действительно не ожидал. Если поначалу Эрланд даже заподозрил, что князь сам придумал весь этот хитроумный план подложить в постель гостя Ильму, чтобы спихнуть её замуж, то сейчас был почти уверен в том, что для отца поступок старшей дочери оказался немалым потрясением.

В дверь внезапно постучали.

– Кто там ещё? – поднял голову Альбиар. – Я ведь прика-

зал не беспокоить. Что случилось?!

В комнату робко заглянула немолодая рабыня.

– Простите, господин... У вашей младшей жены начались роды. Тяжёлые. Повитуха говорит, может и не выжить. А ещё... Похоже, у неё близнецы...

Глава 8

Я не припомню такой суматохи во дворце за все годы, что провела здесь. Она не коснулась разве что княгини Мильданы, матери Ильмы, которая благополучно проспала всю ночь после своего вечернего успокаивающего чая, куда явно добавляли что-то покрепче безобидных травок. Всё потому, что первая супруга князя была склонна к нервическим расстройствам, а в последнее время, когда родить ему наследника вот-вот должна была другая женщина, и вовсе отличалась нетерпимостью ко всему. Впрочем, на встрече правителя Лундсфальда и на последующем пиру она держалась весьма сдержанно. «Внешние приличия должны быть соблюдены», – таково было её правило.

В ту долгую ночь всё изменилось. Для княжества, для отца. И в первую очередь для нас с сестрой.

У младшей жены князя Ив-Лин родились близнецы. Долгожданный наследник, крепкий, крупный. И дочь. Она оказалась послабее, но упорно цеплялась за жизнь. А вот их мать умерла при родах.

Я почти не знала эту молодую женщину. Она старалась держаться в стороне от нас с Ильмой. Учитывая, что третья по счёту жена нашего отца была лишь немногим старше нас обеих, она, должно быть, чувствовала неловкость, когда встречалась с нами. Впрочем, за завтраком та обычно тоже

сидела за одним столом со всей семьёй, но почти всегда помалкивала. Насколько я знала, отец не обижал её и очень ждал рождения сына, подарить которого ему не смогли ни Мильдана, ни моя покойная мать.

Теперь князь стал дважды вдовцом.

На Ильму отец смотрел строго и осуждающе – как и на меня после того, как решил, будто я не сохранила невинность. А ещё велел повитухе до того, как она покинула дворец, запереться в комнате с моей сестрой и двумя рабынями. Что они там делали, я не знала, однако когда женщина вышла, Ильма со злости начала крушить мебель, даже зеркало разбила, а это ведь, как известно, плохая примета.

Прежде во дворце такого не случалось. А теперь на всех нас налетел ветер перемен. Да такой, что нам с сестрой пришлось навеки покинуть место, где мы родились и выросли.

– Ильма отправится в монастырь, – объявил отец, позвав к себе нас обеих. Его глаза были сухими, но я видела, что всё случившееся терзало его. Даже радость от рождения наследника не могла затмить все остальные потрясения этой ночи.

– Но... почему? – спросила я. – В чём её вина? Ведь правитель Эрланд сам...

– Довольно! – отрезал князь. – Не желаю больше ничего об этом слышать и говорить. Пусть готовится, откладывать её отъезд не хочу.

– А как же я? – решила спросить. – Меня тоже... в монастырь? Да?

– Нет. Ты поедешь в Лундсфальд. Эрланд пожелал тебя в уплату за наш с ним договор.

– Что значит «пожелал»? – выдохнула я, не желая верить в то, что слышу. – Как?.. Вы что, отдаёте меня за него замуж?

– Не спрашивай ничего, – устало вздохнул отец. – Просто поезжай с ним. Это станет залогом безопасности для княжества. Может, он на тебе и женится... потом... Всякое случается.

В тот разговор я больше ничего не сказала. Слишком была ошеломлена. Как, впрочем, и слышавшая всё это Ильма.

– Значит, поедешь с правителем? – бросила она мне, когда мы вышли в коридор. – И как тебе эта новость? Рада, что не в монастырь, как я?

– Ты что, думаешь, я этого хочу?! – я изумлённо вытаращилась на сестру. – Хочу уехать с ним? Да если бы только у меня был выбор!

Ильма вдруг рассмеялась – неприятным каркающим смехом, совсем не похожим на тот, каким она смеялась обычно. Я не на шутку испугалась за неё. Уж не помутился ли её рас-судок после сегодняшней ночи?

– Почему ты? – выдавила она, и из её глаз на меня будто посмотрела сама тьма. – Почему он выбрал тебя? Скажи!

– Ты с ума сошла! – всплеснула руками я. – Да ты... Ты должна радоваться, что этот негодяй... этот насильник не захотел забрать тебя!

– Радоваться? – выплюнула сестра. – Чему? Тому, что ме-

ня запрут в монастыре до конца моих дней?

– Я бы скорее выбрала монастырь, чем то, что для меня приготовили! – отозвалась я, уже совершенно ничего не понимая.

Похоже, Ильма действительно не в себе. Её ведь ждало блестящее будущее. Помолвка, пышная свадьба, жизнь в роскоши. А теперь ничего этого не будет. Ей всю оставшуюся жизнь придётся закрывать лицо, питаться лишь хлебом и водой и забыть чуть ли не все слова, кроме молитв. Но почему она злится на меня? За что?..

А всё из-за проклятого Эрланда!

Я ненавидела его всем сердцем. Ненавидела и боялась. Зачем ему я? Что он собирается со мной делать? Отпустил же меня тогда в коридоре, значит, не захотел...

Позже я снова попыталась поговорить с отцом, но он не пожелал меня слушать.

– Тебе что, плевать на всех нас и на княжество? – спросил у меня. – Если его захватят, мне отрубят голову, а твоего младшего новорождённого брата вздёрнут на пики. Такой судьбы ты для нас хочешь? Я дал тебе жизнь, вырастил тебя, не скупился на дорогие подарки. Настало твоё время сделать что-то для меня.

– Но отец!

– Хватит! Вы с вашей сестрой меня очень разочаровали. Одна надежда, что мои младшие дети окажутся не такими.

Я сдержалась, не заплакала при нём. Убежала и дала во-

лю слезам в дальнем уголке сада. Они текли не переставая. Я плакала от жалости к себе самой, разом потерявшей любовь отца и сестры, а взамен получившей лишь неизвестное будущее в незнакомом краю с чужим пугающим человеком. От жалости к Ильме, несчастной, опозоренной. От жалости к той, которая произвела на свет моих брата и сестру, и это убило её. Почему так тяжело быть женщиной?..

«Я не сдамся, – решила я, стискивая зубы. – Ни за что».

Глава 9

Мёртвых в Ив-Лин погребали сразу, без долгих прощаний. Эти похороны были скромными, хоть и в княжеской семье. У Эрмины, младшей отцовской жены, не было родственников, поэтому перед склепом собралось совсем мало людей. В числе которых, разумеется, мы с отцом и Ильмой. Явилась и снова ставшая единственной супругой князя Ив-Лин Мильдана, для которой все перемены во дворце наверняка стали огромным потрясением, хотя она этого и не показывала на людях.

Я для неё всегда была чужачкой, бесполезной падчерицей, той, что посмела родиться на свет, потеснив место, которое занимала Ильма в сердце отца. Должно быть, княгиня радовалась тому, что скоро я уеду и больше не буду мозолить ей глаза. Вот только ей предстояло разлучиться и с родной дочерью.

Уже на другой день с рассветом Ильму ожидало отправление в монастырь. Я пыталась поговорить с ней, но сестра ни в какую не желала. А потому я решила заглянуть в детскую, где мирно спали мои брат и сестра, чтобы хоть разок посмотреть на них. Такие маленькие, беззащитные. Тихо, чтобы не разбудить их, я наклонилась над висящими рядышком колыбельками.

Сейчас, когда я на своём опыте узнала, как ненадёжна бы-

вает земля под ногами, как всё может измениться в одно мгновение, я заранее боялась за их судьбу. Пусть на княжество и не нападут, теперь, когда оно под защитой Лундсфальда, иных опасностей это не отменяет. Я склонилась ниже и зашептала:

– Пусть боги оберегают вас. Пусть любящая душа вашей матери Эрмины и её забота останутся с вами. Пусть вы всегда будете поддерживать друг друга.

Я не знала, имеют ли мои слова хоть какую-нибудь силу, но всегда верила, что если желать чего-то искренне, от всей души, то это поможет. Мне даже показалось, будто, когда я напоследок осеняла детей защитным знаком, с моих пальцев сорвались едва видимые светящиеся нити, завязавшись в узел. Померещилось, должно быть.

Я так устала, что даже переживания отхлынули прочь, как вода при отливе. Хотелось лишь добраться до своей комнаты и заснуть. Но там меня поджидало новое испытание.

И у него было лицо Эрланда Завоевателя.

Увидев его, я отшатнулась к стене. Что он тут делает?.. Уже пришёл заявить свои права на меня? И его впустили? Впрочем, о чём это я. Разве кто-нибудь защитит меня сейчас, когда родной отец мною пожертвовал? Никто, кроме меня самой.

– Почему вы здесь? – спросила я. Губы дрожали, но я очень старалась держать голову высоко. Пусть знает, что говорит не с бесправной рабыней, а с дочерью князя! Хотя я

сейчас мало чем отличалась от тех же рабынь, это не значит, что и вести себя должна так же. – Вам мало того, что вы вынудили отца заставить меня ехать с вами в Лундсфальд?

– Он тебе уже сказал? – осведомился Эрланд.

– Да, – кивнула я. – Скоро я буду в полной вашей власти. Так можете вы хотя бы сейчас, пока я ещё дома, дать мне возможность побыть в одиночестве?

– Могу.

– Правда? – я недоверчиво взглянула на мужчину.

В спальне горели всего две свечи, позволявшие разглядеть не так много. Широкие плечи под тканью камзола, тень щетины на лице, глаза... синие, кажется. Они составляли резкий контраст с густыми чёрными волосами. Мне не хотелось его рассматривать, однако мой взгляд невольно то и дело обращался в его сторону. Врага надо знать в лицо.

– Тебе не тяжело? – спросил он.

– Тяжело?

– Дышать. В этом, – кивнул на мою одежду правитель Лундсфальда. Я поняла, что он имеет в виду корсет.

– Я привыкла.

Эрланд вытащил из-за пояса нож, и вот тут мне в самом деле стало нечем дышать. Что он задумал? Нужно бежать!

Я уже успела развернуться к двери и коснуться её ладонями, когда меня остановили. Сильные руки удержали за плечи за мгновение до побега. Стало страшно – страшнее, чем в коридоре, когда этот же мужчина набросился на меня.

– Не бойся, – это прозвучало как приказ.

Он вдруг полоснул ножом по шнуровке корсета.

– Наши женщины такого не носят.

– Я не одна из ваших женщин! – выпалила я, прижимая к груди пострадавшее платье.

– Но скоро станешь ею.

– И что же вы цените в них?

– Кротость и послушание.

Я прикусила губу – с такой силой, что во рту появился вкус крови. Вот, значит, как? Не дождётся правитель того, что я тоже стану тихой и покорной, никогда и ни за что!

– Повернись.

– Зачем вы это делаете? – всё ещё стоя к нему спиной, спросила я. – Вы не умеете по-другому обращаться с женщинами? Ухаживать, говорить красивые слова? Как в романах... В Лундсфальде так не положено?

Эрланд вдруг рассмеялся. Наверное, ему показались забавными и наивными мои слова. Что поделатъ, если я так мало знала о жизни?..

Да, собственно говоря, и не хотела знать. Мне было уютно и хорошо с книгами и вещами, которые хранили память о детстве. Некоторые из моих старых игрушек мама сама сшила. Я никогда не стремилась поскорее повзрослеть, выйти замуж, как того хотела Ильма. А ещё из-за своей необычной внешности я не считалась красавицей, и на меня почти не обращали внимания, не смотрели так, как на сестру.

– У нас говорят, если цветок Ив-Лин пересадить в другую почву, он не приживётся. А я ведь даже не цветок, я человек.

Почему вы уверены, что я смогу жить в чужой стране?

– Ты сможешь, – сказал повелитель Лундсфальда.

Мне бы его уверенность!

– И что же меня там ждёт?

– Ты. Будешь. Моей, – делая паузы после каждого слова, произнёс он.

Глава 10

Близость Аньяри сводила с ума. Почему она такая?.. Гибкая, нежная. Пахнущая здешними цветами и чем-то ещё, свойственным только ей. Точно созданная специально для него.

– Я стану вашей... кем? Добычей? Игрушкой? А что будет со мной, когда вы натешитесь? Отправите обратно? – не оборачиваясь, спросила младшая княжна Ив-Лин.

– Нет. Сюда ты больше не вернёшься. Да и к кому тебе возвращаться?

Он надавил на болезненное место, напомнив о том, что её родной отец, почти не споря с этим требованием, согласился отдать дочь иноземцу. Жестоко, да. Но чем раньше Аньяри с этим свыкнется, тем лучше для неё самой. Только близкие люди предают. Чужие предать не могут.

– И больше не надевай это оружие пыток. Твоя талия и без него тонкая, – добавил Эрланд, и в подтверждение этих слов на талию девушки легли его ладони. С лёгкостью её обхватывая.

Аньяри вздрогнула и забилась в его руках, как пойманная в силки птичка.

– Не надо... Пустите! Пожалуйста, – выдохнула она. Ей явно пришлось переступить через свою гордость, чтобы просить его. А ему отчаянно не хотелось её отпускать.

Хотелось совсем другого. Раздеть её догола, увидеть её красивое тело без всех этих тряпок. В Лундсфальде женская одежда была гораздо проще – верхнее и нижнее платье, летом потоньше, зимой поплотнее, чулки, и всё. А тут девушек заворачивали не пойми во что. Ничего, скоро Аньяри будет носить то, что нравится ему.

– Пустите... – повторила она, когда он скользнул ладонями выше, к её груди. Накрывая волнуяще приподнятые вырезом платья полушария и слегка сжимая их. Жаль, что он разрезал на ней не всю одежду.

Склонив голову, мужчина припал губами к нежной коже девушки между плечом и шеей. Аньяри дёрнулась и замерла, почти не дыша. Но в этом не было ни капли смирения – она лишь застыла, как кусок льда, очевидно, решив, что показной безвольностью добьётся большего, чем упорным сопротивлением.

Как будто знала, что укладывать в постель бесчувственную куклу ему не хочется.

Позволив себе ещё несколько мгновений касаться её, жадно вдыхать аромат кожи и волос, Эрланд разжал руки и вышел, хлопнул дверью.

Пока он ещё мог сдерживать себя.

Пока.

Наступило утро. Все желающие проводить в монастырь старшую княжескую дочь высыпали во двор. Вышел и Эрланд, скорее от скуки, нежели из желания ещё раз увидеть

Ильму.

Сегодня она выглядела уже не так, как на пиру в честь его приезда. Простое платье, убранные под чепец волосы, заплаканные глаза, похожие на тёмные провалы на бледном лице. Ильма поочерёдно подходила к тем, с кем хотела попрощаться навсегда, ведь из монастыря, как известно, не возвращались.

Напоследок она приблизилась к правителю Лундсфальда и, задрав голову так, чтобы слышал только он, прошептала:
– Вы ещё пожалеете.

А затем развернулась и, ни на кого больше не оглядываясь, зашагала к карете.

Эрланд бросил взгляд на Аньяри, которая сделала несколько шагов вперёд, будто желая уехать вместе с Ильмой. Девушка прижимала к лицу носовой платок, вытирая слёзы. От этого даже зло брало.

Знала бы она, какова на самом деле её сестрица!

Чего Эрланд никак не ожидал, так это того, что Аньяри сама подойдёт к нему после отбытия Ильмы.

– Вы очень спешите уехать? – спросила она, глядя на него исподлобья.

– А что? – осведомился он.

– Мы можем сначала дождаться возвращения провожатых сестры? Хочу удостовериться в том, что она благополучно добралась до монастыря. На дорогах сейчас беспокойно...

– Ладно, – согласился Эрланд. – Но за это ты меня поце-

луешь. Сама.

– Что?.. – отшагнув, вымолвила девушка.

– Меня ведь ждут дела в Лундсфальде. А задерживаться здесь уже ни к чему. Если не поцелуешь, отправимся в путь прямо сейчас.

– Даже не дадите мне собрать вещи?

– Когда доберёмся, ты получишь всё, что тебе нужно.

– Хорошо... – Аньяри сделала глубокий вдох, точно готовясь нырнуть в воду, и огляделась по сторонам. Проверяла, не смотрят ли на них? Даже если за ними наблюдали сотни глаз, Эрланда это не волновало. – Закройте глаза.

– А не обманешь? – усмехнулся он, когда она принялась торговаться.

– Нет. Просто... Если вы будете на меня смотреть, я не смогу...

Эрланд прикрыл веки, чувствуя, как проникает сквозь них солнечный свет. Здесь, в княжестве Ив-Лин, было много солнца. Гораздо больше, чем на его родине.

Когда к его рту неумело прильнули губы девушки, эти тепло и свет будто проникли в его кровь, обжигая и наполняя до краёв. Аньяри явно намеревалась откупиться одним лишь лёгким касанием, но мужчина ей не позволил – крепко притиснул к себе, целуя уже сам и так, как ему хотелось. Размыкая её губы своими, чуть прикусывая нижнюю, наслаждаясь этой шёлковой нежностью и забивающим ноздри ароматом невинного соблазна.

Пусть самые благоуханные здешние цветы раскрывались только ночью, их запах навсегда пропитал эту девушку.

К сладости её губ вдруг примешался привкус крови, и, разорвав поцелуй, Эрланд увидел алую каплю, которую Аньяри инстинктивно слизнула с губ.

– Это я сделал?

– Нет, – буркнула она, мотнув головой. – Но всё равно... из-за вас. Так вы сделаете то, что обещали? Я с вами расплатилась. Даже с лихвой.

– Я всегда выполняю свои обещания. Так и быть. Поедем позже.

Пользуясь тем, что он выпустил её из объятий, девушка упорхнула.

Глава 11

Когда правитель Лундсфальда наконец-то меня отпустил, я бросилась бежать и наткнулась на ту, кого меньше всего хотела сейчас видеть.

– Бесстыжая! – глядя на меня, точно на какую-то букашку, осмелившуюся сесть на рукав её платья, выплюнула княгиня Мильдана. – Так и льнула к нему, так и льнула! Я всё видела! – пригрозила она мне пальцем, поджав тонкие губы.

Я предпочла ей не отвечать. Обидные слова, которые ещё недавно ранили бы до слёз, сейчас отлетали от меня, не принося ничего. Ни боли, ни возмущения. Как будто эта женщина кричала из-за прозрачной стены. Она никогда меня не любила, и едва ли я когда-либо вообще имела шанс заслужить тёплые чувства с её стороны, стань я хоть воплощением всех мыслимых и немыслимых достоинств. Всё потому, что я ей не родная. Наверняка Мильдана была против женитьбы князя Ив-Лин на моей матери, вот только злость за то, что ему не хватило одной супружницы, срывала на мне.

– Отец вам не сказал? – спросила я равнодушно. – Правитель Эрланд сам пожелал забрать меня. Зато ваши любимые самоцветы останутся в неприкосновенности.

– Ты даже корсет не надела! – обвинительно выкрикнула первая и теперь уже точно единственная жена отца, словно не слышала того, что я ей говорила.

Да, я действительно не стала надевать сегодня корсет. Но не из-за требований Эрланда. Просто нехорошо себя чувствовала в преддверии ежемесячных женских недомоганий, и от одной мысли о том, что придётся затягиваться в тугой корсет, живот начинал ныть ещё сильнее.

Да и до приличий ли сейчас?..

– Прошу меня извинить, но мне нужно собираться в дорогу, – бросила я и, не слушая, что кричит мне вслед княгиня, отправилась к себе.

В своей комнате я намазала саднящую губу травяной мазью, чтобы снять боль и заживить вновь открывшуюся ранку. От воспоминаний о навязанном поцелуе в мои мысли снова пробрался Эрланд Завоеватель. Он пугал меня. Удивлял. Я не знала, чего от него ожидать.

Этот мужчина затащил в свои покои мою сестру, но забрать с собой почему-то захотел меня. Почему? Неужели всё дело в девственности?

Но как он узнал?..

Я вспомнила повитуху, которая входила в комнату к Ильме, и тот погром, который сестра устроила, когда та вышла. Выходит... её проверяли? А меня тогда почему не стали?

Так, получается, отцу теперь известно о нашем обмане?..

«Младшую дочь судят по старшей», – снова вспомнились мне расхожие слова, которые частенько повторяла одна из моих нянек. У неё самой было две дочери-погодки, так что она знала, о чём говорила. А ещё она любила напоминать,

что мужчины грубы и похотливы, как скоты, и от них любой приличной девушке, будь она дочкой хоть князя, хоть простого человека, нужно держаться подальше.

До свадьбы.

Вот только если старшая себя запятнала, на младшей тоже жениться побрезгуют.

Наверное, потому правитель Лундсфальда и берёт меня не в жёны, а просто так. Точно рабыню. На них ведь не женятся.

От этих мыслей горько стало и на душе, и во рту – точно от лекарства из коры хинного дерева.

Почему Ильма не смогла приберечь своё любопытство до того, как вышла бы замуж? А теперь и не выйдет. Скоро за ней навсегда закроются двери монастыря.

Да лучше бы меня тоже там заперли! Молилась бы да радовалась солнцу. Всё лучше, чем стать игрушкой в руках человека, который играет со мной, точно хитрый кот с глупой мышкой!

Неужели ему – там, в Лундсфальде – не хватает девушек? Краше меня, нежнее, светловолосых и белокожих, как и положено северянкам... Благосклонных к нему. Он ведь далеко не уродлив. Вон даже Ильме поначалу приглянулся...

На сердце от этих размышлений стало ещё тяжелее, но я больше не плакала. Слезами горю не поможешь. Позвала рабынь и с их помощью начала упаковывать свои вещи. Пусть говорит всё что хочет, а совсем уж налегке я не поеду. Хоть

что-то привычное из дома я должна с собой взять, раз уж больше сюда не вернусь.

Эрланд ко мне больше не приходил, но я на всякий случай переделась в самое унылое и закрытое из своих платьев. И в одиночестве старалась не оставаться – держала при себе прислуживающих мне рабынь. Хотя если бы он всё-таки явился, кто бы помешал ему их прогнать?

Но, к моему облегчению, не пришёл. К вечеру живот заболел совсем уж нестерпимо – должно быть, к обычным признакам недомогания добавилось усугубившее их беспокойство. Пришлось спускаться в кухню и варить лечебный отвар. Этот рецепт знали и рабыни, и можно было сказать им, чтобы сделали и принесли в спальню, но почему-то, когда я готовила его сама, боль проходила быстрее. Под конец я добавила немного мёда, чтобы подсластить малоприятный вкус, и, немного остудив, выпила залпом.

Облегчение наступило почти сразу. Поздним вечером кухня пустовала, но и аппетита сегодня ни у кого не было. У меня уж точно. Я даже к обеду и ужину не выходила – сил не было, да и не хотелось сидеть за одним столом рядом с отцом и его супругой. Без Ильмы, без Эрмины. Их пустые места только напоминали бы о том, что никто из них больше не вернётся. А вскоре и моё место опустеет.

Но для отца ещё есть надежда. У него ведь осталось двое детей. В том числе и сын, наследник, которого он ждал так долго.

Перед окном в кухне висели сушёные травы и пряности. Их запах щекотал ноздри. Слегка поскрипывали полы, когда я на них наступала. Всё так уютно, привычно. И уже скоро перестанет быть моим домом.

Ещё немного побыв там наедине с собой, я возвратилась в свою спальню и попыталась заснуть.

А на другой день вернулись провожатые сестры и принесли страшную, дурную весть – по дороге в монастырь Ильма бросилась с обрыва в реку.

Глава 12

– Она сказала, что хочет побыть одна, попрощаться с при-вольем... – хмуро переглядываясь и явно ожидая скорого наказания за то, что недоглядели за княжной, бормотали мужчины в простой дорожной одежде. Среди них были и рабы, и свободные. Отец выделил немалую охрану – боялся, что с Ильмой по пути может что-нибудь случиться.

Не зря боялся...

Я смотрела на них, всё ещё до конца не веря в то, что слышу. Не понимая, как моя старшая сестра, всегда такая гордая, бойкая, порывистая, могла по собственному желанию распрощаться с жизнью – самым ценным даром, что только может быть. Неужели она настолько не хотела в монастырь? Или всё дело в том, что её опозорили? Этого она не пережила?

Мой взгляд наткнулся на стоящего тут же Эрланда, и руки сами собой сжались в кулаки. Хотелось наброситься на него, ударить. Но куда уж мне. Я по сравнению с ним – как едва оперившийся гусёнок перед бывалым дворовым псом. Браводы, может, и много, а вот силёнок маловато.

Да и не пройдёт боль, даже если ударю. Даже если пушу ему кровь. Никогда не пройдёт.

Из рассказов провожатых Ильмы выходило, что по дороге, когда они остановились на короткий привал, она попрощ-

сила оставить её одну. Хотела напоследок вдохнуть воздух свободы, немного побыть в одиночестве. В монастыре-то, говорят, такой возможности не предоставляется. Сопровождающие послушались, решив, что она никуда не денется. Да и дочь князя всё-таки, не какая-нибудь каторжница, которую везут под конвоем.

Когда же они вернулись за ней, то обнаружили, что личные вещи сестры, с которыми она не расставалась, лежат у самого края обрыва над рекой Полынь. Гребень, флакончик с нюхательными солями. Даже туфли. А ведь всякому известно, что самоубийцы всегда разуваются перед тем, как наложить на себя руки. Для того чтобы не входить в мир за гранью жизни в обуви.

Пытались, конечно, поискать, созвали людей из окрестных деревень, те обшарили реку баграми. Но отыскали только накидку княжны, а её саму – нет. Течение слишком уж быстрое. Даже нырять пытались, только вылезли на берег, отплёвываясь и разводя руками. Река не просто так называется Полынь – вода в ней горькая и бесполезная, пить её нельзя, даже от нескольких случайных глотков можно расстройство желудка получить. Отравляет её что-то. Может, какие-нибудь ядовитые растения, что стелются по дну, кто их знает.

Туфельки Ильмы привезли в качестве доказательства. От одного взгляда на них у меня потемнело перед глазами. У меня были такие же – чёрные, с блестящими пряжками и ту-

го обвиняющими ногу ремешками.

Я кусала губы, снова разбередив кровоточащую ранку. Заплакать не получалось. Все слёзы точно высохли, не успев пролиться.

Если бы сестра осталась жива, пусть даже в монастыре... Но она выбрала другую судьбу. Сама, никому не сказав.

– А вы окрестности обыскивали? – услышала я вдруг спокойный голос правителя Лундсфальда. – Может, сбежала она. А для вас, ротозеев, спектакль устроила.

Я бросила в его сторону яростный взгляд. Да как он только посмел так подумать?! После того как сам же подтолкнул Ильму к шагу с обрыва...

– Помилуйте, господин, куда ж ей бежать? – оторопело уставился на него один из мужчин. – Места там глухие. Не сгинет в лесном болоте али в когтях диких зверей, так работорговцам попадётся. Княжна же, к суровым условиям не приучена. Далеко бы она ушла босиком?

– Так обыскивали или нет? – повторил свой вопрос Завоеватель.

– Глянули маленько, покричали. Но весь лес не прочёсывали. Дикий он, заколдованный.

– Да с чего бы ему быть заколдованным? – Эрланд возвёл глаза к высокому потолку. – Князь мне лично писал, что в княжестве Ив-Лин никто не практикует колдовство.

– Так-то оно так. – Мужчина покосился на отца, который стоял, закаменев, как одна из дворцовых статуй. Рядом с ним

точно с таким же видом застыла княгиня Мильдана. – Однако же гиблое там место. Люди пропадают без следа. И вода в Полыни неспроста горька, что слёзы.

– Так сам же сказал – люди в болоте тонут, в когти зверям попадают или к работорговцам. А то, что вода непригодна для питья, не только колдовством объяснить можно. Да что с вами говорить! – махнул рукой правитель Лундсфальда и обернулся ко мне. – Нет тела – нет и похорон. Так что пора собираться в дорогу, нечего больше откладывать.

– Вы... вы всегда такой чёрствый и бесчувственный?.. – выдохнула я. – У нас вторая смерть в семье! И всё это началось, когда вы тут появились!

– Может, сейчас и меня колдуном назовут? – усмехнулся он. – Подумай лучше над тем, сколько здесь было бы смертей, если б я не приехал. Новый король Даргарии весьма тщеславен и уже давно точит зубы на земли Ив-Лин. Про него поговаривают, он любит развлекаться с молоденькими рабынями. Только живыми их потом никто не видит.

Я вонзила ногти в ладонь и посмотрела на отца. Он молчал. Так, словно соглашался с этой резкой, приправленной угрозами отповедью.

– Соболезную, – коротко бросил Эрланд князю и Мильдана, после чего снова посмотрел на меня. Я демонстративно отвернулась, чтобы он не видел моих слёз, которые всё-таки брызнули из глаз. – Готовься отправиться в путь, Аньяри.

– Может, ещё на одну ночь задержитесь? – подал голос

отец.

– Ни к чему. Благодарю за гостеприимство, – ответил правитель Лундсфальда, и в его голосе мне почудилась издёвка. – Попрощайтесь с дочерью, князь.

Глава 13

Я всё ещё не очень хорошо себя чувствовала, но решила не просить повелителя Лундсфальда о новой отсрочке. Проще из камня выжать воду, чем разжалобить чёрствое сердце этого человека! К тому же неизвестно, чего он потребует за новый договор. Снова поцелуй? Нет уж, я ещё прошлый не забыла.

То, как Эрланд целовал, явственно вспомнилось – так, словно и сейчас это ощущала. Собственнически, властно, бескомпромиссно. Совсем не похоже на робкие, трепетные соприкосновения губ, которые описывались в романах – обычно в самом конце, когда герои уже обручены, а то и женаты. А он, должно быть, всё делает так же, как целуется. Как права была няня, когда предупреждала меня насчёт мужчин, которым от девушек только одного и надо!

При мысли о том, что близок тот день, когда Эрланд Завоеватель утвердит на меня свои права, начинали дрожать колени. Я будто очутилась в кошмарном сне, который никак не заканчивался. Мне всё ещё не верилось в то, что Ильмы нет в живых, а я сама больше не принадлежу себе и не хозяйка своим действиям. За меня уже решают, что мне делать и во что одеваться. Что дальше?..

Прощание с отцом вышло торопливым и скомканным. Он сказал мне несколько донельзя высокопарно прозвучавших

слов. Что-то о моём долге перед княжеством и благодарности за приносимую мной жертву, а также о надежде, что все предстоящие мне испытания будут встречены с достоинством и я не поступлю так же, как моя сестра. Напоследок отец как-то быстро и суетливо, точно боялся, что я его оттолкну, коснулся сухими губами моего лба. Княгиня Мильдана со мной прощаться не пожелала, да я и не ждала от неё благословений и наставлений – всё же она мне не родная мать.

А вот к близнецам я заглянула. На сей раз они не спали. Заглянув в их ещё по-младенчески светлые глазёнки, я снова мысленно пожелала этим невинным крохам благополучия, здоровья и счастья в будущем. Жаль, что они меня не запомнят. Но я знала, что буду вспоминать о них каждый раз, когда меня начнут одолевать сомнения и желание сбежать от правителя Лундсфальда.

В том, что так будет, я не сомневалась. Мне не хотелось уезжать с ним. Несмотря на то что отец оказался не той крепкой стеной, каким я всегда хотела его видеть, и не встал на мою сторону, Ильмы больше нет, а Мильдана возненавидела меня ещё сильнее, – здесь всё своё. Здесь мой дом. Что меня ждёт в чужих краях? Несладкая участь постельной игрушки для Эрланда Завоевателя? А как он поступит со мной, когда вволю наиграется и я стану ему не нужна?..

«Сюда ты больше не вернёшься», – вспомнила я его слова. Во дворе меня уже ждала карета. Сам Эрланд и его лю-

ди приехали верхом, но я сомневалась, что выдержу весь путь, учитывая, что мой опыт ограничивался лишь недолгими конными прогулками в дамском седле. Потому отец и выделил для меня карету. Он порывался также отправить со мной одну или нескольких рабынь, но правитель не позволил. Сказал, что в Лундсфальде у меня будут служанки, а в дороге обойдусь и без них.

Спорить я не стала, хотя с компаньонкой мне, разумеется, было бы несколько спокойнее.

Навсегда покидая дом, я не удержалась от того, чтобы посмотреть в окошко кареты, жадно впитывая всё, что видела. Яркую зелень листвы, тонкие стебли цветов, изящные беседки, в которых мы с сестрой любили играть в прятки, когда были детьми. Всё здесь хранило память о моём детстве и подростковых годах. Пусть они и не были совсем уж безоблачными, я всё равно чувствовала себя куда счастливее, чем сейчас, отправляясь в пугающую неизвестность. Мне не хотелось прощаться.

Но вот за нами закрылись ворота. Я скомкала в ладонях подол дорожного платья и всхлипнула. Но тут же стиснула зубы. Вот уж нет, не дождётся! Ни слезинки больше не пролью!

Надо держаться даже наедине с собой. Может, отец и поступил со мной низко, тут он прав. Кроме достоинства, у меня ничего больше не осталось. Разве что ещё невинность. Надолго ли?..

Я продолжала смотреть в окошко, провожая глазами пока ещё знакомые места. Мне не так уж часто доводилось покидать пределы княжеского дворца и ближайших его окрестностей. Сейчас я вдруг задумалась о причине. Неужели отец стыдился меня? Моей необычной внешности и того факта, что матерью мне приходилась чужестранка.

Свой третий брак с юной Эрминой князь мог объяснить тем фактом, что у него не имелось наследника. Но тогда, когда он привёз в Ив-Лин мою мать, княгиня была ещё молода и вполне могла бы родить ещё детей, кроме Ильмы. Однажды отец рассказал, что девушка-иноземка, впоследствии давшая мне жизнь, очаровала его с первой же встречи. Он увидел её и не мог удержаться. Даже не вспомнил о супруге и дочери, которые ждали его во дворце. Но она была гордой. А потому согласилась уехать с ним лишь в том случае, если Регвин Альбиар назовёт её своей женой.

Я бы и рада была тоже быть гордой, вот только моего согласия никто не спросил. Эрланд попросту увёз меня с собой, воспользовавшись тем, что отцу стал нужен союз с Лундсфальдом. Мечты о том, как однажды во дворце появится прекрасный благородный мужчина и посватается ко мне, развеялись горьким дымом.

Пейзаж за окошком стал однообразным, и я сама не заметила, как задремала. Проснувшись, когда остановилась карета. Дверца приоткрылась, и ко мне заглянул один из слуг Эрланда Завоевателя – по виду совсем ещё мальчишка.

– Привал, госпожа! Не хотите ли размять ноги? Да и перекусить вам нужно, давненько небось не ели.

Глава 14

Ноги действительно устали. Хотелось немного пройтись, ощутить под подошвами твёрдую землю, а не раскачивающийся пол кареты. А ещё после выпитой сегодня ещё одной кружки лечебного отвара тянуло уединиться где-нибудь в кустиках, раз уж туалетных комнат в лесу не предусмотрено. Так что на предложение я охотно согласилась. Отказавшись от вежливо предложенной мне руки, вышла сама.

Может, и не все в Лундсфальде такие уж дикари, как мне казалось...

– Прошу вас сюда! – позвал меня к опушке леса слуга. Там уже разводили костёр, в воздух поднимался запах дыма. – Вот, если устали, можете тут посидеть! – указал он мне на расстеленные на траве шкуры какого-то северного зверя.

– Пока хочу пройтись, – отказалась я.

– Только не уходите далеко! Повелитель распорядился за вами присмотреть! Да и небезопасно госпоже одной гулять по лесу!

– А ты уверен, что сможешь меня защитить? – недоверчиво хмыкнула я.

– Конечно, госпожа! Я ведь будущий воин! У меня и нож есть!

Я вздохнула. Сколько лет пройдёт до того, как этот вихрастый мальчишка поймёт, что быть воином – это не игра?

Едва ли он уже видел, как проливается в бою чья-то – или его собственная – кровь. Но так уж издавна повелось. Мужчин с детства тянет к войне, а женщин – к домашнему очагу.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Люк, госпожа.

– Можешь ненадолго оставить меня одну, Люк? Мне нужно... Ты же понимаешь?

Мой юный охранник покраснел так густо, что мне даже стало его жаль. Я всё ещё хорошо помнила, каково быть нескладным подростком. Каждая мелочь вгоняет в смущение.

– Да, конечно, госпожа! Я вовсе даже не собирался за вами подглядывать! И прослежу, чтобы другие не смотрели в вашу сторону! Только будьте поблизости, очень вас прошу! А то, если потеряетесь, мне повелитель голову оторвёт!

Судя по тому, какой взгляд бросил в нашу сторону Эрланд Завоеватель, как раз отдающий какие-то приказания другим слугам, эти слова явно не были преувеличением. Едва ли он слышал наш с Люком разговор, но краем глаза всё же наблюдал за мной. Впрочем, едва ли правитель Лундсфальда считал, что я сбегу от него по дороге. Он прекрасно знал, что мне некуда бежать. Как и то, что мы с ним оба понимали – именно я являюсь залогом его помощи Ив-Лин. Не выполню свою часть сделки я – наказаны будут все. В том числе едва родившиеся дети Эрмины и ни в чём не повинные мирные жители княжества.

Лес был наполнен щебетом птиц и насыщенными ароматами трав, уже поспевших ягод, разогретой солнцем земли. Люк, как и обещал, ждал меня поодаль, отвернувшись и даже зажав уши, но я всё равно чувствовала неловкость, так что постаралась сделать свои дела побыстрее. Выбрав кусты погуще, я юркнула в них.

А когда вышла и уже собралась вернуться к ожидающему меня слуге, у меня вдруг всё поплыло перед глазами. Я уже не понимала, где нахожусь, хотя точно знала, что рядом стоянка Эрланда и его людей – ведь только недавно слышала их голоса, а сейчас тишина. Да и мальчишка должен быть поблизости.

– Люк! – позвала я его. – Люк, где ты?! Эй!

Вместо пронизанной солнечным светом опушки я вдруг очутилась в непроходимой чаще. Здесь было куда тише... И страшнее. От каждого треска сучьев под ногами по коже пробегали мурашки. Я не понимала, как могла оказаться в таком месте, когда ещё недавно находилась в совершенно другом.

– Ау! – позвала я, понимая, что сейчас обрадовалась бы любой живой душе. Даже правителю Эрланду, появившись он передо мной. – Люди!

Никто не откликнулся.

Постепенно голова перестала кружиться, а зрение стало яснее. Но я по-прежнему оставалась не на светлой окраине леса, где была совсем недавно, а в сумрачной чаще. И понятия не имела, где нахожусь и каким образом сюда попала.

Это всё ещё Ив-Лин? А если это тот же сам лес, возле которого бросилась в реку Ильма? Если он действительно заколдован, а потому заманивает к себе людей, чтобы они сгинули там бесследно? Но если сестра не покончила с собой, а заблудилась в лесу, зачем она сняла обувь? Тут ведь даже в туфлях ходить тяжело, куда уж босиком...

Я упорно шла вперёд, не понимая, куда иду. Время будто перестало существовать. Я уже падала от усталости, когда вышла к просёлочной дороге и без сил рухнула на её обочину, уже не заботясь о том, чтобы не испачкать платье, уже местами разорванное ветками и шипами цепляющихся за меня кустов.

Если есть дорога, то есть и люди, которые по ней ездят!

Кажется, я ненадолго провалилась в сон, а когда открыла глаза, услышала топот копыт и конское ржание. Кое-как поднявшись и открыв глаза, увидела, что ко мне приближается обоз, сопровождаемый несколькими всадниками. Интересно, кто бы это мог быть?..

Они подъехали ближе, один из мужчин спешил и подошёл ко мне. Такой высокий и крупный – мне даже жалко стало его коня. Я уже открыла рот, чтобы попросить о помощи, но осеклась, столкнувшись с хищным взглядом незнакомца.

– Ого, да это просто милость богов! Смотрите, кто нам так вовремя попался! Приедем на торги не с пустыми руками! – услышала я, и у меня снова потемнело в глазах – теперь уже от осознания собственной невезучести.

Похоже, мне не посчастливилось встретиться с работороговцами, и один из них решил, что я вполне подхожу им в качестве товара.

Глава 15

Никто бы не сказал, что я не сопротивлялась. Сопротивлялась, да ещё как. И когда меня, не дав и слова сказать, перекинули через плечо и потащили. И когда закидывали в одну из повозок. Я кричала, дёргалась из последних сил, молотила работорговца кулаками по спине, но ему мои удары были что комариные укусы.

– Я дочь князя Ив-Лин!

– А я его младший брат! – расхохотался тот. – Ну ты и выдумщица! Ишь что сочинила – княжеская дочка! Приутихни, пока не отведала плётки! Не хочется товар портить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.